

Якоб Юхлер

Отношение в восточноевропейских странах к расширению ЕС – высокая степень согласия и существенный потенциал разочарования

1. Введение

Расширение ЕС на Восток представляет собой один из важнейших проектов, стоящих на очереди в европейской политике. После изменений в Восточной Европе в 1989-1990 гг. эта тема довольно быстро оказалась на политической повестке дня. Прошло, однако, немало времени до весны 1998 г., когда были начаты переговоры о приеме в ЕС с пятью восточноевропейскими странами – Венгрией, Чехией, Польшей, Словенией и Эстонией, а также с Кипром и Мальтой. Во время встречи ЕС на высшем уровне в декабре 1999 г. численность стран-кандидатов была увеличена за счет Словакии, Латвии, Литвы, Румынии и Болгарии. Несмотря на различные конфликты, на декабрьской (2002 г.) встрече на высшем уровне были завершены переговоры почти со всеми восточноевропейскими кандидатами, кроме Румынии и Болгарии, вступление которых предусматривается на 2007 г. Тем самым в мае 2004 г. новыми членами ЕС станут 10 стран.

Этот раунд расширения представляет собой серьезный вызов ЕС ввиду одних лишь своих масштабов и специфической исходной ситуации. Впервые в Европейский Союз включаются «постсоциалистические» общества, находящиеся на очевидно более низком уровне развития. Поэтому расши-

рение на Восток становится важной темой и для общественных наук. При этом ранее на переднем плане стояли экономические проблемы, тогда как общественные аспекты исследовались лишь мимоходом. Очевидно, что при этом серьезное значение имеет согласие с расширением на Восток и связанные с ним ожидания общества, ибо только широкая поддержка сможет обеспечить необходимую политическую легитимность данному начинанию. Поэтому ниже на основе сравнительных исследований будет рассмотрен вопрос о том, как в 10 странах изменялась степень согласия со вступлением в ЕС и какие факторы интерпретации следует считать важными. Вслед за тем будут оценены потенциалы разочарования, наличествующие в странах-кандидатах, поскольку они также имеют определенную политическую значимость.

2. Согласие со вступлением в ЕС в восточноевропейских странах-кандидатах (обзор)

На первый взгляд оценка степени согласия со вступлением в ЕС кажется несложным делом. Этот шаг одобряется или отвергается, а в качестве промежуточной категории рассматривается исключительно отказ от выражения мнения. Степень согласия поддается осознанию относительно просто, но сложнее оказывается связь с переменными, прямо или косвенно воздействующими на нее. Логикой вещей согласие оказывается непосредственно зависимым от позиций и оценок, связанных с темой. Эти позиции и оценки представляют собой основные элементы, на которых основывается решение об одобрении вступления в ЕС или его отклонении. При этом напрашивается проведение различия между позициями, несущими отпечаток воздействия нормативов, с одной стороны, и позициями, связанными с интересами, с другой. Как позиции, сформированные под воздействием нормативов, например, интенсивность идентификации с Европой и процессом европейского объединения, так и позиции, связанные с интересами, например, оценка затрат и преимуществ касательно последствий вступления для всей страны, отдельных сфер ее

жизни или личной жизни граждан, воздействуют на степень согласия со вступлением в ЕС? Очевидно, что особую роль играют именно позиции, связанные с интересами. Следует упомянуть, например, об ожидаемых преимуществах, вроде улучшения шансов экономического роста и возможностей экономического развития благодаря трансфертным платежам, более высоких экспортных шансов и растущих зарубежных инвестиций и доступа на рынок труда ЕС, а также и о недостатках, среди которых высокие адаптационные расходы, увеличение конкуренции из-за границы и «боязнь колонизации» в результате усиленной скупки предприятий и земли и т. д.

На степень согласия влияют также как общие позиции и переменные социально-демографического характера, так сказать, классические факторы объяснения, так и краткосрочные и исторические контекстные факторы – благодаря тому, что эти последние воздействуют прежде всего на названные позиции, связанные с темой. Очевидное значение имеют злободневные контекстные факторы, связанные с вопросом о вступлении в ЕС, например, отношение с ЕС, а также характер представления вопроса о вступлении общественности, так как благодаря этому представлению создаются важные предпосылки для оценки предстоящих событий. Но на оценку затрат и преимуществ и на оценку самого ЕС могут повлиять и более общие контекстные факторы, как, например, экономическое и социальное положение. Следует придавать особое значение контекстным факторам, постигаемым из уроков истории, например, интенсивности ориентации на Запад или Западную Европу в целом и специфическому опыту, например, наличию собственной государственности и отношениям с Европой. Они могут рассматриваться в качестве информационных фильтров, участвующих в регулировании восприятия информации, и прежде всего ее оценки. Общие позиции также могут определенным образом воздействовать на оценки ЕС и оценки затрат и преимуществ, действуя аналогично историческим позициям – то есть в качестве селекционных фильтров. Воз-

действие социально-демографических факторов на согласие со вступлением связано прежде всего с тем, что эти факторы оказывают влияние на позиции, связанные с важными темами.

Основываясь на этих вводных соображениях, следует дать обзор развития степени согласия со вступлением в ЕС в странах-кандидатах и некоторых важных факторов влияния¹. В табл. 1 зафиксирована эволюция степени согласия со вступлением в ЕС с 1991 по 2003 гг. Хотя для построения непрерывного ряда не хватало данных, оказалось возможным объединить данные так, чтобы они соответствовали трем фазам – ранней, начала 90-х гг. (1991-1992 гг.), средней (1995-1997 гг.) и нынешней фазе (2000-2003 гг.).

Отмечаются три отчетливые тенденции, которые мы хотим вкратце прокомментировать ниже.

1. На всем протяжении рассматриваемого времени приверженцы вступления в ЕС явственно доминировали над противниками.

Появления этой тенденции следовало ожидать, но она заслуживает упоминания в силу своей однозначности. Если использовать в качестве масштаба средние цифры, то даже в самом неблагоприятном случае численность приверженцев вступления в ЕС почти втрое превосходила численность противников. И в каждой стране в любое время оказывалось больше приверженцев вступления в ЕС, чем противников этого. Причины высокой степени согласия будут рассмотрены в связи со следующей тенденцией.

2. В степени согласия со вступлением в ЕС обнаружились существенные временные колебания, ход которых в основном представлял собой *u*-образную кривую.

На ранней фазе (1991-1992 гг.) господствовала очень высокая степень согласия со скорым вступлением в ЕС, выра-

¹ Наиболее важными исследованиями являются обзоры, выполненные по поручению Комиссии ЕС в Брюсселе. Они проводились ежегодно между 1991 и 1997 гг. и были возобновлены после перерыва осенью 2001 г. Ср. *Central and Eastern Eurobarometer, 1991 ff.* и последующие исследования *Applicant Countries Eurobarometer, 2001, 2002* и *Candidate Countries Eurobarometer, 2002 ff.*

жавшаяся в соотношении в среднем две трети сторонников к менее чем одной десятой скептиков, которые поддерживали вступление позже чем через 10 лет или вовсе не поддерживали. Можно правдоподобно объяснить наиболее высокую степень согласия на этой фазе, учитывая современные и исторические контекстные факторы. Уже вскоре после «поворота» стала ясной исходная ситуация, в которой находились восточно-европейские государства. Вступление в ЕС представлялось желательным по причинам как экономического, так и политико-идеологического характера. Серьезные политические, но прежде всего экономические проблемы реструктуризации, возникшие после распада старой системы «реального социализма», заставляли рассматривать вступление в ЕС как способ позиционирования заново и получения помощи. Членство в ЕС обещало и большую безопасность. И, наконец, вступление в ЕС символизировало повторное «присоединение» к Европе. Тот факт, что широкие слои населения не особенно понимали, что, собственно, представлял собой ЕС, не играл роли, скорее наоборот, так как это не сказывалось на представлениях о желаемом². Преимущества и недостатки вступления в ЕС, вопросы, которые ставил в 1992 г. «Евробарометр» в ходе опроса общественного мнения, показывали явное преобладание экономических преимуществ. Первое место занимало «улучшение жизненного уровня» (27%), за этим результатом следовали «улучшение торговли» (22%) и «финансовая и экономическая помощь» (17%).

Еще до середины 90-х гг. начался, однако, процесс ощутимой эрозии. С 1995 по 1997 гг. в среднем только половина опрошенных ответила, что на референдуме проголосовала бы за вступление ЕС, причем низшая точка была достигнута с показателем 48% в 1996 г. Правда, численность противников оставалась невелика, составляя примерно одну десятую, так

² Например, еще осенью 1992 г. лишь немногие знали, где находится штаб-квартира ЕС – от 6% в Литве до 25% в Румынии. - *Central and Eastern Eurobarometer*, No. 2, 1993, *Annex Figure 34*. Тем не менее, в восточноевропейских странах в 1992 г. в среднем даже больше людей идентифицировали себя с Европой, чем в странах ЕС, ср. Juchler, 1994, 17.

что отмечалась и гораздо более высокая доля не принявших решения, а именно около 40%, в отличие от одной пятой в 1991-1992 гг. Тот факт, что во второй половине 90-х гг. общая тенденция выглядела по-другому, нежели в начале десятилетия, также можно объяснить контекстными факторами. Первая эйфория в связи с европейскими перспективами улетучилась. Хотя отношения со странами-членами ЕС и самим союзом развивались в целом положительно, но давали себя знать все более явные конфликты интересов. Росли торговые дефициты, а главное – ЕС проводил в вопросе о вступлении непоследовательный курс. Неудивительно поэтому, что в восточноевропейских странах не только снижалась степень согласия со вступлением, но и положительная оценка ЕС в целом. Правда, до 1997 г. показатели увеличились параллельно показателям согласия (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 8). При этом решающую роль мог, вероятно, сыграть более четкий курс ЕС, самым значимым проявлением которого стало определение кандидатов и объявление о переговорах по вступлению в июле 1997 г.

В следующий момент, осенью 2000 г., то есть именно на фазе переговоров, снова вырисовалась отчасти изменившаяся общая картина. 56% положительных ответов в ходе опроса означало в среднем несколько большее согласие, чем в 1997 г. Прежде всего, однако, явственно увеличилось количество противников вступления, дойдя до одной пятой опрошенных, в то время как вновь снизилось число не имевших суждения, составляя лишь четверть. Существенный прирост численности противников вступления объясняется прежде всего тем, что в ходе переговоров проявлялись колебания и несогласованность, обострившиеся летом 2000 г. Правда, с осени 2000 до осени 2002 г. больше не было серьезных изменений. Результатом такого развития событий стал небольшой прирост сторонников и легкое снижение численности противников вступления в ЕС. Затем с осени 2002 до весны 2003 г. снова наблюдалось ощутимое улучшение. При этом возросли как доли сторонников, достигнув 66% и превысив, хотя и

немного, уровень 1992 г., так и несколько снизились доли противников вступления в ЕС. Некоторое повышение степени согласия, последовавшее в 2000-2001 гг., не в последнюю очередь было связано с изменением курса ЕС, который более решительно продвигал расширение на Восток. Но конфликты интересов между ЕС и странами-кандидатами обострились в 2002 г. в ходе полемики о финансах и сельском хозяйстве, в которой ЕС занял жесткую позицию. Несмотря на лихорадочное завершение переговоров, в ходе которого ЕС едва ли проявил готовность к компромиссам, в большинстве стран-кандидатов укрепилось убеждение в том, что в целом они выиграют от вступления в ЕС или, по меньшей мере, смогут лучше справиться со своими проблемами, нежели находясь в стороне. Характерно, что с осени 2001 по 2002 гг. немного ухудшилась переменная, которая считается решающей – оценка затрат и преимуществ при вступлении в ЕС. Как в 2001, так и в 2002 г. в среднем 47% опрошенных усматривали больше преимуществ, чем недостатков для всей страны, в то время как 14% в 2001 и 16% в 2002 гг. видели больше недостатков, чем преимуществ. Практически постоянной осталась и оценка ЕС в целом. В 2002 г. в среднем 48% имели положительное представление о целях и деятельности ЕС, 16% – отрицательное. Хотя к концу переговоров в декабре 2002 г. удалось достичь лишь немногих улучшений, поданных, однако, в весьма выгодном с точки зрения информационного изображения свете, вслед за этим усилились положительные оценки баланса результатов вступления в ЕС в целом³. Это могло бы наряду с интенсификацией пропагандистских усилий сторонников вступления в ЕС быть, по-видимому, причиной нового возрастания степени согласия до весны 2003 г.

3. Между странами отмечались явные различия в согласии со вступлением, причем имели место и существенные изменения в иерархической позиции.

³ Ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 8, 26 и следующий раздел.

Несколько четче по сравнению с временными колебаниями проявились различия между странами. Серьезные межстрановые различия существовали уже на ранней фазе. Несколько меньшая, чем в среднем, степень согласия со вступлением была характерна для балтийских государств. Напротив, в Словении и Румынии отмечались очень высокие показатели. Еще сильнее бросались в глаза существенные сдвиги между странами, что иллюстрируется небольшим коэффициентом корреляции (только .38) между долями сторонников вступления в 1992 и 1995 гг. Правда, балтийские государства оставались настроенными наиболее скептически. К числу стран, наиболее заинтересованных во вступлении, теперь относили наряду с лидером Румынией и Польшу. К началу последней фазы различия вновь несколько выросли. Затем снова начались существенные изменения от страны к стране. Коэффициент корреляции между долями сторонников вступления составил в 2000 и 2003 гг. только .60. Наиболее явное повышение степени согласия со вступлением характерно для Литвы, отличающейся тем самым от двух других балтийских государств, по-прежнему остающихся на последнем месте.

В целом в отдельных странах существовали заметные различия в отношении временных изменений показателей приемлемости, откуда вытекали и соответствующие изменения позиции. При этом постоянные позиции занимали только страны, которые находились на самых верхних или самых нижних ступенях: Румыния, с одной стороны, постоянно демонстрировавшая высокие показатели и с середины 90-х гг. всегда находившаяся во главе списка с большим отрывом; с другой стороны – Эстония и Латвия, постоянно характеризовавшиеся относительно низкими показателями и всегда находившиеся на последних позициях. Напротив, в число продвинувшихся выше входят с середины 90-х гг. Болгария, а также Литва, в последнее время значительно улучшившая свое положение. Обе эти страны наряду со Словенией входили весной 2003 г. в число тех, которые занимали самые низкие позиции вслед за Румынией. При этом Словения в самое

последнее время существенно прибавила в том, что касается согласия со вступлением в ЕС – после того, как там длительное время демонстрировались показатели ниже среднего, хотя в начале 90-х гг. они достигали максимальных значений. Относительно высокие показатели продемонстрировали также Венгрия и Словакия, «наверставшие» после очень высоких начальных результатов и спада в середине 90-х гг. Напротив, Чехия, также продемонстрировавшая поначалу высокие показатели, осталась на относительно низком уровне. Специфические черты отношение к вступлению в ЕС приобрело в Польше. Вслед за тем, как здесь на протяжении длительного времени отмечались высокие показатели, после 1997 г. был отмечен очевидный спад, сменившийся новым подъемом только в наступившем тысячелетии.

Объяснения различий, специфических для стран, могут, как и временные колебания, обнаруживаться в современных и исторических контекстных факторах. Наиболее скептическое отношение балтийских государств к вступлению в ЕС может быть, по-видимому, связано со спецификой их истории и геополитического положения (Juchler 1994, 42 ff., Nekrasas 2003). Их историческая связь с Европой была выражена слабее, чем у всех остальных государств-кандидатов, так как эти страны долгое время являлись частью Российской империи, а после Второй мировой войны – Советского Союза, за исключением краткой фазы независимости в межвоенный период. Тот факт, что именно Литва явно преодолела исторические барьеры, может быть связан прежде всего с геополитическими и культурными свойствами, например, с более сильной по сравнению с двумя другими балтийскими государствами ориентацией на Центральную Европу. Поэтому здесь на политической сцене были менее сильно представлены противники ЕС (ср. Taggart, Szczerbiak, 2002, 15). Очень высокие показатели согласия в Румынии со вступлением в ЕС на первый взгляд вызывают удивление. Ведь и Румыния в качестве балканской страны пошла путем развития, европейский характер которого не особенно сильно выражен. В ее национальном сознании сохра-

нилось, однако, ощущение крепкой связи с Европой, не в последнюю очередь объяснявшееся прошлым страны как части Римской империи и активизировавшееся на «реально-социалистической» фазе ее истории. К тому же особенно плохое экономическое положение страны могло, вероятно, явственно усилить стремление к вступлению в ЕС, ибо ЕС представлял собой, так сказать, последний якорь спасения, и от него ожидалось большие преимущества. Последний фактор сыграл, конечно, существенную роль и в увеличении степени согласия в Болгарии – от относительно низких до высоких показателей. Напротив, показатели, которые поначалу были ниже средних, можно объяснить историческими условиями. Болгария сильнее ориентировалась на Россию. После переориентации на Запад, произошедшей в ходе «поворота», неуверенность была соответственно высокой⁴.

Историческими факторами можно объяснить и высокую степень согласия со вступлением в ЕС в странах Центральной Европы Венгрии и Словении. Обе страны, многие годы входившие в империю Габсбургов, были весьма значительно вовлечены в европейские процессы и представляли собой относительно развитые страны Восточной Европы. Тем самым быстрое вступление в ЕС было не только желательным для значительного большинства населения этих стран, но и представлялось осуществимым. Поэтому четко проявился спад степени согласия со вступлением в ЕС в середине 90-х гг., после того, как возрос скепсис, вызванный затяжкой переговоров со стороны ЕС, но явно дало себя знать и нарастание проевропейских настроений после того, как открылась перспектива успешного завершения переговоров. Подобные исходные условия были характерны и для Чехии, которая до середины 90-х гг. продемонстрировала сходную динамику развития степени согласия со вступлением в ЕС. Тот факт, что в Чехии, в

⁴ Характерно, что в Болгарии в 1992 г. отмечалось наибольшее во всех странах-кандидатах число не имеющих суждения (38%). Опросы показали также, что Румыния и Болгария ожидали наибольших преимуществ от вступления в ЕС (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 26 и 32).

отличие от Венгрии и Словении, не было отмечено нового роста согласия со вступлением в ЕС, мог, по-видимому, быть связан с по-прежнему существующими предубеждениями относительно последствий вступления⁵. К тому же на развитии степени согласия со вступлением в ЕС сказывался относительно сильный скептицизм по отношению к Евросоюзу, наблюдавшийся на политической сцене. Хотя решительными противниками такого шага являлись только коммунисты, «мягкие» евроскептики были в достаточной мере представлены в первую очередь в правобуржуазных кругах. Напротив, в Словакии сдержанность по отношению к ЕС была в значительной степени преодолена после того, как социально-экономическая ситуация ухудшилась при правлении националистически ориентированных сил, а вступление в ЕС обещало ее улучшение. Несколько по-иному складывалась ситуация в Польше. Страна была со средних веков довольно сильно вовлечена в процессы развития, ориентированные на Европу, и занимала в принципе положительную позицию в отношении вступления в ЕС. Но в силу в высшей степени отрицательного европейского опыта Польши здесь сформировалось противоречивое отношение к Европе, а также двойственное понимание своей национальной идентичности. До тех пор, пока экономическое развитие шло вверх, обнаруживалась высокая степень согласия со вступлением в ЕС, но она начала снижаться с начавшимся в 1997 г. ползучим экономическим кризисом. Усиление этого показателя в последнее время, несмотря на относительно активное политическое противодействие, связано не в последней степени с укреплением убежденности в отсутствии альтернативы вступлению в ЕС.

⁵ В данном случае наряду с экономическими соображениями определенную роль играл и все еще тлеющий конфликт с Германией вокруг декретов Бенеша, в соответствии с которыми после второй мировой войны было осуществлено изгнание судетских немцев. Скепсис был усилен также сильно выраженным национальным чувством, наличие которого подтверждалось и исследованиями качественного характера (ср. Ortem 2001).

3. О связи между согласием и возможными факторами объяснения

Конечно, только что обрисованная попытка интерпретации различий между странами-кандидатами по степени согласия со вступлением в ЕС с использованием специфических сочетаний с контекстными факторами имеет и свои слабости, ибо она может апеллировать только к убедительности. Несмотря на эту методическую недостаточность, попытка представляется оправданной в силу очевидной релевантности контекстных факторов. К тому же несколько более объективные количественные методы, которые могут быть применены как часть факторов объяснения, например, структурные и позиционные переменные, равным образом не являются непроблематичными. Простые связи едва ли можно постулировать, если не считать особенно значимых позиционных переменных, будь то итог положительных ожиданий, связанных со вступлением в ЕС, или оценка имиджа ЕС. Анализ корреляции позиционных и структурных переменных подтверждает это предположение (ср. табл. 2). Только осенью 2001 г. согласие со вступлением в ЕС в чрезвычайно высокой степени соотносилось с положительной итоговой оценкой имиджа ЕС⁶. Напротив, другие позиционные переменные, важные для истолкования, например, идентификация с собственной нацией, удовлетворенность жизнью, уменьшение этой удовлетворенности в последние годы и доверие к политическим институтам соотносились друг с другом лишь в малой степени.

С приемлемостью были, однако, мало связаны не только позиционные, но и структурные переменные. ВВП как центральный индикатор уровня развития или безработица как показатель социального положения характеризуются особенно низкими коэффициентами. Такое обстоятельство не обязательно должно вызывать удивление, так как в данном случае не приходится ожидать сильной, и прежде всего линейной,

⁶ Оценки преимуществ и недостатков для важных экономических сфер также большей частью соотносились очень высоко, ср. Juchler, 2003b, 100 ff.

связи. Ведь именно в менее развитых странах, пребывающих в тяжелом социально-экономическом положении, например, в балканских странах Румынии или Болгарии, следует считаться с эффектом «ЕС как последней надежды». В странах, где дело обстоит лучше, при определенных обстоятельствах, например, исторически обусловленном скепсисе, может, напротив, сработать противоположный эффект («ЕС не так уж нам и нужен»), что показывает, в частности, пример Чехии или отчасти Эстонии. Вызывает несколько большее удивление тот факт, что такие индикаторы, как прямые зарубежные инвестиции на душу населения или доля экспорта из стран ЕС, отражающие уже существующие переплетения, характеризуются малыми или даже отрицательными коэффициентами. Но и в данном случае возможна аргументация, аналогичная той, что применяется относительно ВВП. В менее интегрированных странах многие граждане хотели бы надеяться, что вступление в ЕС даст толчок развитию этих стран на собственной основе.

Следует, конечно, учитывать то обстоятельство, что анализы корреляции на уровне стран характеризуются специфическим методическим качеством и уже в силу малого числа такого рода случаев могут содержать искажения. Подобные эффекты могут сказаться именно на позиционных переменных, которые, собственно, касаются индивидуальных субъектов. Общий анализ, в котором опрошенные выступают в качестве аналитических единиц, подтверждает, однако, особую значимость таких переменных, как баланс преимуществ и имидж ЕС⁷. Отчетливее всего с общим согласием со вступлением в ЕС ассоциировался баланс преимуществ для страны. Так, осенью 2001 г. не менее 81% опрошенных, считавших, что вступление в ЕС – положительный шаг,

⁷ Следует, однако, заметить, что в рассмотрение были вовлечены все страны-кандидаты, то есть и Турция, Кипр и Мальта, что могло бы содержать определенное искажение. К тому же была проанализирована не поддержка в ходе референдума, а общее согласие со вступлением в ЕС. Правда, степень ассоциации между обоими переменными была чрезвычайно высока (ср. *Applicant Countries Eurobarometer*, 2001, Annex B-57).

полагали, что оно принесет больше преимуществ, нежели недостатков, в то время как того же мнения придерживались только 3% тех, кто считал вступление в ЕС плохим делом. 77% тех, кто считал членство в ЕС плохим делом, полагали, что вступление несет больше недостатков, чем преимуществ и, напротив, того же мнения придерживались лишь 4% тех, кто считал членство в ЕС хорошим делом. Сильная, хотя и несколько менее четкая корреляция наблюдалась в личном балансе преимуществ. Оценка ЕС также продемонстрировала ассоциацию со степенью согласия со вступлением в ЕС, выраженную подобным же образом. Хотя в двух других позиционных переменных, а именно изменении личной жизненной ситуации на протяжении последних двух лет (как индикатора для позиции проигравшего/выигравшего) и идентификации с Европой или собственной нацией (как индикатора нормативной идентификации с Европой) равным образом проявились ожидавшиеся ассоциации, это имело место в существенно меньшем масштабе⁸. Политическая же переменная, удовлетворенность функционированием демократии в собственной стране, практически не продемонстрировала ассоциации с согласием на вступление в ЕС.

Тем самым и на уровне индивидуального анализа проявляются связи, подобные выявляемым при анализе корреляции на уровне стран. Только непосредственно релевантные позиционные переменные обнаружили очень тесные отношения с согласием на вступление, причем как оценка баланса затрат и преимуществ вступления, а значит, позиция, ориентированная на интересы, так и оценка ЕС в целом, то есть скорее нормативно ориентированная позиция, ассоциировались с согласием на вступление примерно одинаково сильно. На основе результатов опросов, касающихся прямых мотивов вступления, следует придать решающее значение балансу

⁸ К тому же доля тех, кто исключительно или прежде всего идентифицировал себя с Европой, была очень мала. Осенью 2001 г. она составляла в среднем 11%. Напротив, доля тех, кто идентифицировал себя исключительно с собственной нацией, была весьма высока, составляя 38%.

затрат и преимуществ. Напротив, все остальные рассмотренные здесь позиционные переменные едва ли ассоциировались с согласием на вступление или ассоциировались в малой степени.

Не вызывает сильного удивления то обстоятельство, что и с социально-демографическими переменными, если осуществлялся совокупный анализ для всех стран-кандидатов, связывались лишь слабые ассоциации (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 30). Например, осенью 2001 г. наблюдались очень небольшие различия по признаку пола – женщины были несколько более нерешительны, чем мужчины, или несколько чаще не имели мнения по сравнению с ними, что в значительной степени объясняет несколько меньшую положительную оценку ими членства в ЕС (55% по сравнению с 63% у мужчин). Но фактором различия не стали также ни возраст (от 50% опрошенных в возрасте старше 55 лет до 66% среди 15-24-летних), ни образование (от 52% опрошенных с низким уровнем образования до 67% опрошенных с высоким уровнем образования), причем большая часть различий также может быть обоснована соответствующей дифференциацией опрошенных, не выразивших мнения. Профессиональный статус тоже дал лишь незначительные различия (от 51% у пенсионеров и 56% у самостоятельных до 70% у менеджеров), причем категории опрашиваемых определялись весьма грубо. Но все же небольшая степень ассоциаций стандартных социально-демографических переменных с согласием на вступление вызывает удивление. Как уже говорилось в начале, напрашивается предположение о том, что эти переменные оказывают чувствительное влияние именно на релевантные позиционные переменные, сказывающиеся на ходе событий, такие, как баланс затрат и результатов. Но этого не было по меньшей мере в обзорах, проведенных «Евробарометром» (*Eurobarometer Surveys*). Возраст, образование и занятость продемонстрировали осенью 2002 г. лишь небольшое влияние на баланс затрат

и результатов⁹. Сформулировать убедительное объяснение этому непросто. Возможный подход к объяснению, в соответствии с которым в общественном сознании отсутствовало существенное различие между выигравшими и проигравшими, не поддается эмпирическому доказательству – ведь оценки того, какие социальные группы выиграют, а какие проиграют, весьма четко различались как осенью 2001, так и весной 2003 гг., что имело место уже на фазе переговоров о вступлении (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 31 и 14). Категория возраста особенно сильно выступила в качестве фактора различия. В 2001 г. 70% молодых людей и только 25% пожилых считали себя выигравшими. Вероятным представляется, что у потенциально проигравших срабатывал своего рода механизм вытеснения, заключающийся в скептической оценке шансов собственной социальной группы при положительной оценке личных шансов. К тому же вышеназванная тенденция к рассмотрению вступления в ЕС прежде всего как шага, релевантного для страны и ее будущего, практически не имеющего альтернативы, способствовала, вероятно, тому, что членство в ЕС одобрялось или, по меньшей мере, не отвергалось, несмотря на возможный личный ущерб.

Во всяком случае, данные обзоров показывают, что последствия вступления оценивались преимущественно положительно не только в целом, но и в отношении важных проблем (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 32a). Тот факт, что при этом наиболее положительным образом оценивались общие последствия для всей Европы, подобно тому, что происходило и в самом ЕС, также указывает на рассмотрение вступления в ЕС в более широких рамках, нежели только с позиций собственных преимуществ (ср. Juchler 2003, 98 f.). Так, значительное большинство опрошенных (между 60 и 71%) осенью 2001 г. и 2002 г. воспринимало в качестве последствий вступления в ЕС большее значение союза в мире, укрепление мира и безопасно-

⁹ Подобным же образом мала была связь при оценке имиджа ЕС и лишь немногим больше при идентификации с Европой (ср. *Applicant Countries Eurobarometer*, 2001, 2002, В-59 и В-61, В-19 и В-39).

сти, а также культурное обогащение Европы. Но значительное большинство тех, кто дал положительные оценки, отмечалось и применительно к особенно важным экономическим сферам, таким, как улучшение состояния экономики и повышение уровня жизни (от 54 до 62%), при относительно малой численности настроенных против (от 17 до 22%). При отрицательно сформулированных вопросах лишь меньшинство опасалось роста безработицы (27 и 28%), в то время как относительное большинство отрицало такое развитие событий (42 и 43%). Еще явственнее опрошенные отрицали утрату национальной идентичности и культуры (54 и 55% против 31% согласившихся). Большинство не опасалось и утраты социальных преимуществ. Правда, было обнаружено относительно явное согласие с тремя вопросами (между 52 и 59% по сравнению с 27-33% отклонения), а именно нарастание организованной преступности, увеличение проблем для крестьян и слишком высокие расходы, связанные со вступлением¹⁰.

При всем доминировании позитивных оценок не следует забывать о том, что существовали и существуют опасения и страхи, правда, часто в скрытой форме. Встречалось ощущение, что страны-кандидаты не особенно всерьез воспринимают ЕС в качестве партнеров, что проявлялось в оценке их будущих позиций в ЕС. Не менее 58-60% опрошенных в 10 странах-кандидатах (средний показатель) указали осенью 2001 г. и 2002 г., что их страна займет в ЕС лишь позицию второго класса (*TNS OBOP*, 2002). Эти опасения и страхи не окажут более явственного воздействия на степень согласия со вступлением в ЕС. Данное обстоятельство может быть, по-видимому, связано прежде всего с тем, что они касаются относительно немногих сфер, не рассматриваемых опрошенными в качестве самых важных.

¹⁰ Очень похожие результаты были зафиксированы и в апреле 2003 г., ср. *Candidate Countries Eurobarometer*, No. 2003.2, 2003. 112 ff.

4. Последствия вступления

Показанная выше высокая степень согласия со вступлением в ЕС и скрывающиеся за ней ожидания являются крайне противоречивыми. С одной стороны, эти ожидания обеспечивают политическую легитимность членству в ЕС, что выразилось и в высокой доле голосов, поданных «за» во время референдумов, состоявшихся в 2003 г.¹¹. С другой стороны, они могут сформировать и базис для разочарования в существенных политико-социальных последствиях, если после вступления возникнут серьезные проблемы и ожидания не будут реализованы. Поэтому в данном разделе следует предпринять попытку оценить вероятные последствия вступления. Сложность этой задачи представляется очевидной, прежде всего в отношении социально-экономической сферы как особенно важной, которой мы должны ограничиться здесь. Оценки предстоящего события расходились в зависимости от предположений и сценариев. Несомненно, новое расширение ЕС характеризуется специфическими свойствами. Специфичность ситуации объясняется уже одними лишь качественными параметрами – большой численностью новых членов. Прежде всего в отношении экономического потенциала существует сильная асимметрия между старым ЕС и его новыми членами. Так, ВВП на душу населения (без учета паритета покупательной способности) составлял в 2001 г. 45% ВВП ЕС. Доля безработных, составляя 15%, в 2002 г. примерно вдвое превосходила этот показатель в старом ЕС. С учетом такой исходной ситуации возможны две основные тенденции развития. С

¹¹ «За» голосовали в среднем 80, «против» только 20% участников референдумов. Правда, степень участия в голосовании, составлявшая в среднем 59%, не была особенно высокой, но она способствовала положительному результату, так как сторонники ЕС голосовали чаще противников. В остальном же результаты референдумов отражали результаты опросов. Очень высокая степень согласия – 90% и несколько более – была продемонстрирована в Словакии, Литве и Словении, за ними следовали Венгрия с 84, Польша и Чехия с 77%. Эстония и Латвия с 67% заняли последние позиции, причем хороший результат не в последнюю очередь связан с правильным выбором времени для проведения референдума – они голосовали последними.

одной стороны, процесс расширения может вызвать эффект наверхствывания, так как благодаря лучшей интеграции в рынок, адаптации к модернизации и трансфертным платежам ускорится развитие новых стран. Такова доминирующая оценка, которую разделяют большинство политиков и ученых. С другой стороны, не следует исключать, что при неблагоприятных условиях, особенно вследствие слишком сильной конкуренции на вытеснение и очень высоких адаптационных расходов могут возникнуть серьезные социально-экономические проблемы и сложиться в целом скорее неблагоприятный баланс затрат и результатов, по меньшей мере для определенных социальных групп и регионов. Для конкретной оценки такого баланса имеет решающее значение, конечно, и временной горизонт, принятый за основу. В данном случае на переднем плане должна стоять перспектива, определяемая сроками от кратких до средних.

При этом целесообразно оценить как затраты и результаты, вытекающие непосредственно из правил ЕС и результатов переговоров, так и преимущества и недостатки, вытекающие из самого факта вступления в ЕС. Хотя первый аспект лучше поддается оценке, здесь также наличествует значительная сомнительность. После завершения Копенгагенской встречи ЕС на высшем уровне эти факторы, вызывающие сомнение, стали не столь значительными благодаря установлению бюджетных показателей на первые три года вслед за вступлением новых членов (2004-2006 гг.), но сомнения продолжают существовать в ряде важных пунктов, как, например, относительно нетто-трансферта финансовых средств (Кок 2003). Взносы новых 10 членов ЕС в бюджет союза зафиксированы, составляя по данным Комиссии ЕС 14,8 млрд. евро, но ситуация с эффективным трансфертом средств ЕС своим членам остается неясной – ведь для использования средств из структурного фонда и фонда сплоченности ЕС необходима хорошая подготовка и прежде всего собственные взносы в размере 15-25%. К тому же средства начнут поступать только с началом реализации соответствующих программ, и этот процесс затянется на

длительное время. По оценке Комиссии ЕС, из согласованной в Копенгагене суммы в 40,8 млрд. евро в 2004-2006 гг. будут выплачены только 25,1 млрд., что означало бы нетто-трансферт 10,3 млрд. евро. Это соответствует примерно 0,8% ВВП 8 вступающих стран¹². Даже если взять за основу этот оптимистический прогноз, то с учетом предстоящих проблем адаптации к правилам ЕС речь идет об относительно небольшой сумме. Следует к тому же учитывать финансовые тяготы, порождаемые адаптацией к правилам ЕС, включая взносы, которые должны делать сами новые члены ЕС, чтобы иметь право претендовать на получение средств из бюджета союза. Хотя эти расходы большей частью оказываются выгодными для населения, т. е. не могут просто приплюсовываться к затратам, они все же представляют собой существенную нагрузку на государственные финансы, и без того находящиеся в напряженной ситуации. Следует, однако, ожидать не только появления финансовых проблем и их последствий вроде мер экономии в социальной сфере. Трудности могут, вероятно, возникнуть и в процессе реализации правил ЕС на уровне управленческой деятельности. Различные недостатки отмечались ЕС уже в предшествующем подготовительном процессе¹³.

Важное значение имеет прямой баланс затрат и результатов – прежде всего с политической точки зрения, так как он находит соответствующий резонанс среди общественности. Но следует придавать большее значение и общему балансу затрат и результатов, хотя он еще труднее поддается оценке. Большинство экономистов на Востоке и Западе исходят из в

¹² Другие оценки менее оптимистичны. Авторитетный институт DIW исходит, например, из ежегодной суммы нетто-трансферта в 5-10 млрд. (ср. Richter, 2003, 2 ff.). Испания, Португалия и Греция получают в три-четыре раза более высокие выплаты (в соотношении с долей ВВП).

¹³ Эти недостатки отмечались в ежегодных отчетах о состоянии подготовки. В последнем отчете, выпущенном осенью 2003 г., все еще перечислялся целый ряд сфер, в которых были необходимы особые усилия. К тому же в нем содержалось напоминание о недочетах, устранение которых требовало быстрых и радикальных мер с тем, чтобы достояние союза вообще было бы применимо к началу процесса вступления. Это касалось 39 пунктов, прежде всего в сфере сельского хозяйства. Затронутыми оказались все 10 стран, хотя и в различной степени.

целом положительных воздействий вступления, так как статические и динамические выигрыши от интеграции перевесят негативные последствия. Спорным, однако, остается вопрос о том, насколько сильно будет выражена эта тенденция. Неудивительно также, что даже для формирования обобщенного индикатора, например, роста ВВП, предпринимались различные оценки. Оптимистические расчеты, сделанные, к примеру, ЕС, исходили из дополнительного ежегодного роста ВВП в 1,3-2,0%. В соответствии с более осторожными оценками совокупный выигрыш в росте на ближайшие 8-10 лет исчисляется в 6-9% (Havlik 2001, Breuss 2001). Даже если исходить из среднего сценария роста, дополнительные преимущества оказываются не особенно большими, так что влияние общей экономической ситуации представляется более важным, нежели эффект от членства в ЕС. Это означает, что решающее значение имеют и международная конъюнктура, и особенно ситуация в странах ЕС. От этих факторов будет в значительной степени зависеть мощь инвестиционного потока в новые страны-члены ЕС, а также отчасти возможность использования больших экспортных шансов. Другие положительные результаты, например, в сфере инфраструктуры и окружающей среды, свободы передвижения (свободный доступ к рынку труда может быть в «старых» странах отодвинут на максимальный срок в 7 лет), станут действительно ощутимыми лишь через некоторое время. На отечественном рынке труда воздействия в сфере занятости окажутся относительно небольшими ввиду роста иностранных инвестиций и дадут себя знать только с опозданием. Напротив, большее давление конкуренции импорта из стран ЕС и иностранных фирм, а также расходы на адаптацию к правилам ЕС, прежде всего в сфере окружающей среды и социальной сфере, будут стоить рабочих мест в отечественной экономике, будь то в результате прямого вытеснения с рынка или косвенно – в результате давления, направленного на повышение производительности труда. Таким образом, снова могла бы возрасти безработица

или в среднесрочной перспективе могло бы быть замедлено снижение напряженности на рынке труда.

Следует учитывать в первую очередь, что в результате расширения ЕС появляются не только выигравшие, но и проигравшие (Tang 2000). При этом могут, вероятно, извлечь выгоды центры роста, уже и без того находящиеся в привилегированном положении, в то время как сельские регионы и некоторые традиционные секторы могли бы поначалу оказаться под еще большим давлением. Правда, и трудности могут быть разного характера ввиду различия предпосылок и различной стадии реформ в той или иной стране. Например, к проблемным секторам как таковым причисляется особенно уязвимое сельское хозяйство с учетом его относительно высокого социального значения и «модернизационного отставания» в таких странах, как Литва и Польша, а в других странах (Венгрия) оно не вызывает столь острых проблем. Ситуацию обостряют согласованные переходные постановления, включающие к началу членства в ЕС существенно меньшие прямые платежи, чем те, которые практикуются в ЕС, и длительные переходные сроки (10 лет до достижения равновесия между старыми и новыми членами ЕС). Но возникновения проблем можно ожидать и в некоторых отраслях промышленности (*Commission of the European Communities, 2003c*). В основном под давлением могли бы, вероятнее, оказаться высокотехнологичные предприятия, прежде всего средние, но отчасти с высокой конкуренцией могли бы столкнуться и капиталоемкие сектора, например, сталелитейная промышленность. Найдутся, конечно, и выигравшие, например, автомобильная промышленность, не в последнюю очередь благодаря уже произошедшему внутриотраслевому переплетению со «старыми» странами ЕС, которое будет углубляться и далее. С большими трудностями адаптации могут столкнуться малые и средние предприятия, так как они обладают лишь малым доступом к средствам, получаемым на относительно благоприятных условиях, и малыми ресурсами для осуществления необходимых изменений.

После этого краткого обзора следует вкратце остановиться на специфике отдельных стран. Одно лишь ознакомление с некоторыми важными индикаторами (табл. 3) показывает, что различия весьма существенны. Наиболее явно это обстоятельство иллюстрируется различиями в объеме ВВП на душу населения как наиболее общего индикатора уровня развития¹⁴. Лидер Словения продемонстрировала в 2001 г. почти втрое больший объем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения (без учета паритета покупательной способности), чем Румыния, замыкающая список. Правда, словенский душевой ВВП достиг лишь 69% среднего уровня ЕС, тем самым оказываясь ниже уровня Греции. Но более или менее значительные различия обнаруживаются и применительно к другим индикаторам. К странам с наиболее благоприятными исходными условиями следует причислить в целом Словению и Чехию, а также несколько отстающие от них Венгрию и Эстонию. Последняя, несмотря на определенное отставание в развитии, может занять позиции в нише в качестве малой страны¹⁵. Почти во всех отношениях явно наиболее неблагоприятными условиями характеризуются Болгария и Румыния, страны, вступление которых планируется только на 2007 г. Как среднюю следует оценить позицию Словакии, которая с учетом определенной потребности в наверстывании упущенного могла бы получить усиленные импульсы благодаря вступлению в ЕС. Вслед за Словакией надо назвать несколько отстающие от нее менее развитые малые балтийские государства

¹⁴ Уровень развития включает, однако, и некоторую двойственность. Более высокий показатель может при определенных обстоятельствах означать, что дальнейшего роста достичь труднее. Но от более развитых стран следует ожидать прежде всего роста, более благоприятного в качественном отношении, т.е. с более развитой технологией и большим объемом создания стоимости.

¹⁵ «Отчет о глобальной конкурентоспособности» (*Global Competitiveness Report*) Всемирного экономического форума, оценивающий средне- и долгосрочные потенциалы роста, также поставил Эстонию на 22 место среди 102 стран. За ней следовали Словения и Венгрия, занимавшие 31 и 33 позиции, Чехия (39 место) (ср. *WEF*, 2003). В оценке с использованием 18 переменных, включающих социальные критерии, Словения, Чехия и Эстония также достигли наилучших результатов (ср. *Tausch*, 2004).

Латвию и Литву, которые также могли бы использовать шансы, вытекающие из их позиции в нише¹⁶. Здесь же можно в большей или меньшей степени позиционировать и Польшу. Правда, ее шансы развития ограничены ввиду переживаемых ныне страной экономических и структурных проблем.

5. Потенциалы разочарования

В заключение следует с учетом вероятных последствий вступления в ЕС и связанных с этим общественных ожиданий попытаться оценить масштаб потенциалов разочарования и их общественно-политическую значимость. Для начала мы обрисовем проблематику в целом, вслед за чем специфицируем ее по странам.

Потенциал разочарования выводится из взаимодействия между реальным развитием событий, с одной стороны, и существующими субъективными ожиданиями – с другой. При этом по аналогии с концепцией лишения исходят из того, что как оценка реальных последствий вступления, так и различие между их оценками и ожиданиями влияют на интенсивность фрустрации и ее общественно-политические последствия. Трудно оценить, в какой мере «абсолютная» и «относительная» оценка последствий вступления повлияют на интенсивность разочарования и тем самым на общественно-политическое недовольство. Следует исходить из того, что оба аспекта играют определенную роль и порождают эффекты накопления. Можно предположить, однако, что приоритетной является абсолютная оценка, так как она непосредственно отражает конкретные последствия. Относительная оценка вызвала бы, по-видимому, прежде всего эффект усиления.

На основе сказанного выше можно постулировать следующую основную тенденцию. Так как реальные последствия в

¹⁶ В «Отчете о глобальной конкурентоспособности» Латвия и Литва заняли хорошие позиции с соответственно 37 и 40 местами, несколько обгоняя Словакию (43 место) и Польшу (45 место), в то время как Болгария и Румыния занимают худшие места (64-е и 75-е) (ср. WEF, 2003).

кратко- и среднесрочной перспективе следует оценивать в целом двойственно, а то и отрицательно, и тем самым с определенной вероятностью проявляется отличие от ожиданий, большей частью высоких, приходится считаться с усилением недовольства. Вероятно противоречивое развитие событий в важной социально-экономической сфере – такое, которое едва ли, по-видимому, будет соответствовать ожиданиям, преимущественно положительным¹⁷. Соотношение последствий, рассматриваемых как положительные, с последствиями, оцениваемыми в качестве положительных, зависит от различных факторов. Наряду с исходными условиями, специфическими для каждой страны, и адаптационными возможностями стран, следует назвать международную экономическую ситуацию. На ближайшее будущее она снова выглядит несколько лучше, так как наконец начался вновь и вновь прогнозировавшийся экономический подъем, хотя в Европейском Союзе он протекает медленно. Осенью 2003 г. ОЭСР прогнозировала для ЕС рост ВВП примерно в 2% на 2004 и 2,5% на 2005 гг. (ср. OECD 2003). Но это все еще скромный показатель. В то время как международное положение более или менее одинаково сказывается на всех странах, специфические исходные условия, как было показано, включают существенные различия. Различались в основном три уровня. Исходные условия Словении, Чехии, Венгрии и Эстонии были признаны относительно благоприятными, как менее благоприятные оценивались условия Словакии, Польши, а также Латвии и Литвы. Условия же, в которых находятся Румыния и Болгария, страны, вступающие в ЕС позже, были охарактеризованы как наименее благоприятные.

Эти различия можно связать с уровнем ожиданий. Если общий уровень ожиданий распределить в виде шкалы, также состоящий из трех уровней, то Румыния, Болгария, Литва и

¹⁷ При этом будут иметь место и явные различия по социальным и региональным критериям в соответствии с различными результатами вступления. Потенциал разочарования для низших слоев и периферийных регионов следует оценивать как в целом более высокий.

Венгрия образуют группу стран с наиболее высоким балансом затрат и результатов. Словения, Польша и достаточно явно отстающая Словакия могли быть объединены в среднюю группу, а Чехия, Эстония и Латвия образовали группу с наиболее неблагоприятным балансом¹⁸.

Тем самым страны можно сгруппировать следующим образом:

	Оценка последствий вступления	Ожидания, связанные со вступлением	Недовольство
Чехия, Эстония	Положительная	Низкие	Очень низкое
Словения	Положительная	Средние	Низкое/ Очень низкое
Венгрия	Положительная	Высокие	Низкое
Латвия	Двойственная	Низкие	Низкое / Среднее
Польша, Словакия	Двойственная	Средние	Среднее
Литва	Двойственная	Высокие	Среднее / Высокое
-	Отрицательная	Низкие	Высокое
-	Отрицательная	Средние	Высокое / Очень высокое
Румыния, Болгария	Отрицательная	Высокое	Очень высокое

¹⁸ Эта позиция включает, конечно, определенный элемент произвола. Здесь был использован баланс стоимости и результатов в отношении каждой страны на последний доступный момент - апрель 2003 г. (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 26с).

На основе этого расположения можно предположить, что потенциал разочарования или вероятное недовольство, по-видимому, могут быть малыми в Чехии и Эстонии, и с этим схожа ситуация в Словении и Венгрии. Более значительное недовольство можно было бы предположить применительно к Латвии, Польше и Словакии, а также к Литве. Можно ожидать, вероятно, наибольшего недовольства в балканских странах Румынии и Болгарии, где предполагаемые последствия вступления и ожидания, связанные с ним, расходятся наиболее очевидно. Правда, недовольство и в других странах могло бы оказаться гораздо большим, если бы последствия вступления, оцениваемые здесь скорее оптимистически, проявились более неблагоприятно, причем в данной связи следует назвать прежде всего Литву и Польшу, а отчасти также Латвию и Словакию.

Более точная оценка внутривнутриполитических последствий вступления в ЕС или связанных с ним потенциалов разочарования является трудной задачей. Можно, однако, ожидать с определенной вероятностью, что уже средняя, а в особенности высокая интенсивность разочарования будет продолжать снижать и без того низкую степень согласия с политическими институтами ЕС и даст стимул популистским и националистическим силам. Это произойдет прежде всего в том случае, если уже ранее была активна политическая оппозиция, критически настроенная по отношению к ЕС, которая сумеет соответствующим образом проявить себя. С учетом названных предпосылок такое развитие событий сильнее всего затронуло бы, пожалуй, Польшу и балтийские страны. Не представляется вероятным, однако, что в результате этого могла бы начаться серьезная общественно-политическая дестабилизация, ибо с некоторых пор сильно укрепилось системное согласие с демократическим порядком (ср. Juchler 2000, Rose 2001). Разумеется, недовольство конкретным способом функционирования демократии и большинства политических институтов высоко и в последние 10 лет изменилось лишь в небольшой степени (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 41 и 42). Так, например, весной 2003 г. в среднем только треть опрошенных была решительно

или скорее довольна функционированием демократии в их странах, что гораздо меньше, чем в «старых» странах ЕС. И именно такие страны, как Румыния, Болгария и Польша, характеризующиеся высоким или относительно высоким потенциалом разочарования, продемонстрировали уровень удовлетворенности функционированием демократии ниже среднего. Доверие таким политическим институтам, как правительство, парламент, администрация и партии весной 2003 г. в Болгарии и Польше также было в среднем очень низким, составляя 15 и 18%, причем средний показатель для всех восточноевропейских стран-кандидатов также составлял только 28% (*Candidate Countries Eurobarometer*, No. 2003.2, 2003, 18). Если к тому же принять во внимание малую стабильность партийной системы и преемственности правительств, преобладавшей в большинстве стран, можно исходить из того, что негативные последствия вступления и связанная с ними фрустрация будут со всей очевидностью способствовать партийно-политическим сдвигам и смене правительств. Не особенно вероятно, однако, что при этом смогли бы прийти к власти популистские партии, критически настроенные по отношению к ЕС и таким образом возникла бы проблема для всего союза. Можно считать, тем не менее, с большей политической нестабильностью, акциями протеста, демонстрациями и забастовками. Интенсивность такого развития событий зависит наряду с компетентной политикой соответствующих восточноевропейских правительств и от самого ЕС, который при возникновении более серьезных проблем должен был бы вмешиваться, осуществляя меры помощи или вводя исключительные процедуры регулирования в интересах нового государства-члена союза. Следует также исходить из того, что значительная часть населения, по меньшей мере в течение определенного времени, сможет, вероятно, смириться с трудностями вроде более или менее неизбежных адаптационных расходов, так как на переднем плане будут стоять средне- и долгосрочные преимущества.

Хотя в данном исследовании рассматривались последствия от краткосрочных до среднесрочных, в заключение следует коснуться проблематики долгосрочных последствий. Несмотря на то, что в отношении в целом положительного баланса вступления в ЕС существует широкий консенсус, и здесь следует сделать некоторые оговорки. В особенности же следует поставить под сомнение неоднократное указание на развитие событий в предшествующий период в странах, на момент вступления также отстававших от тогдашних членов ЕС. Так, например, уже сравнение развития ВВП на душу населения показывает, что только Ирландия испытала резкое усиление развития с явно выраженным эффектом наверстывания, которое к тому же началось лишь почти 20 лет спустя после вступления. Ее ВВП на душу населения (без учета паритета покупательной способности) увеличился в 1990-2000 гг. с 73% до 119% среднего уровня ЕС (ср. Juchler 2003, Annex Tabelle 43). До некоторой степени успешное развитие продемонстрировала и Португалия. Напротив, Испания смогла, несмотря на явный прирост иностранных капиталовложений, лишь в незначительной степени улучшить свои позиции. Греция же в начале 80-х гг. испытала даже явное ухудшение, которое удалось в значительной степени компенсировать только после 1990 г. Можно, конечно, привести еще ряд факторов, способных объяснить существенные различия. При этом особенно популярны причины, которые срабатывают внутри страны, прежде всего политический курс, влияющий на преимущества места размещения производства, например, меры по либерализации экономики, развитие инфраструктуры, налоговая политика и т. д. Но при таких подходах к объяснению остается без внимания международный и национальный контекст, который только и делает возможным проведение подобной политики и стратегии адаптации. Стратегия, в принципе обещающая успех, может оказаться недейственной, если к ней прибегнет слишком много стран.

В сильно расширившемся ЕС будет больше причин того, что не только окажется труднее достичь серьезных эффектов намерстывания, но и различия, обусловленные спецификой стран и регионов, окажутся, вероятнее, более значительными, чем это было в прошлом. Можно предвидеть, например, что средств, предоставляемых через структурный фонд и фонд консолидации для перераспределения и модернизации, будет несколько меньше, чем поступало в последние годы. Значительное число новых членов ЕС с большой вероятностью приведет к возникновению особенно жесткой конкуренции вокруг места размещения производства, параллельно с чем будет, вероятно, наблюдаться существенная дифференциация с точки зрения успехов роста и результатов модернизации. Стоит заметить, правда, что отстраненная позиция в нынешних условиях включала бы практически в каждом случае более неблагоприятные результаты, причем не только в социально-экономической, но и в культурно-политической сфере. Многое зависит и от того, насколько удастся реформироваться и далее развиваться самому ЕС, чтобы организация стала более эффективной, демократической и солидарной.

Таблица 2
Корреляции согласия на вступление с позиционными и структурными переменными, 2001 г.

а) Позиционные переменные

Положительный имидж ЕС ······	97
Баланс преимуществ вступления ······	97
Национальная идентичность ······	-18
Удовлетворенность жизнью ······	43
Доверие политическим ······	22
институтам ······	
Снижение ······	44
удовлетворенности жизнью по сравнению с периодом в 5 лет ранее	

б) Структурные переменные

ВВП на душу населения 2000 ······	-20
Изменение ВВП 1989-2000 гг. ······	0
Безработица 2000 г. ······	-28
FDI ¹⁹ на душу населения 2000 ······	-52
Доля экспорта в ЕС ······	-23
Продвижение экономических ······	40
реформ (индекс ЕБРР 2000 г.)	
Коррупция (CPI-Index 2000) ······	-72

Пояснения:

Коэффициенты корреляции Пирсона; уровень стран (10 стран-кандидатов в качестве единиц)

¹⁹ Сокращение от «прямое следствие недостатка иностранных капиталовложений» (*direkte Folge des Mangels an Auslandsinvestitionen*) (нем., прим. перев.).

Источник: Applicant Countries Eurobarometer 2001, 2002 (позиционные переменные), данные различных институтов (структурные переменные), ср. табл. 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Восточная и Центральная Европа														
Польша	38.6	40	0.8	1.9	19.9	4.1	82	93	128	952	2.5	25.8	69.2	-3.9
Чехия	10.2	57	2.2	1.4	8.2	3.9	82	93	101	2284	10.7	61.5	68.9	-5.5
Словакия	5.4	48	3.9	3.3	19.4	3.7	80	93	107	521	6.1	67.0	59.9	-5.6
Венгрия	10.2	51	3.4	5.2	5.6	5.3	89	93	109	1790	19.0	56.0	74.3	-4.1
Словения	2.0	69	2.7	7.5	5.8	5.2	78	100	115	1527	40.7	51.3	62.2	-2.5
Балтийские страны														
Литва	3.5	38	5.0	0.4	16.1	4.8	73	93	68	970	2.4	45.4	47.8	-1.9
Латвия	2.4	33	5.0	2.0	12.8	3.4	75	93	68	943	7.5	38.2	61.2	-1.6
Эстония	1.4	42	4.5	3.6	11.8	5.6	82	93	84	2084	11.0	73.6	69.4	-0.4
Балканские страны														
Румыния	22.4	25	4.2	22.5	7.0	2.8	66	86	78	245	0.8	36.1	67.8	-3.4
Болгария	7.9	28	4.0	5.8	19.9	3.9	71	86	75	272	2.1	43.5	54.8	1.7
В среднем	10.4	43	3.6	5.3	12.6	4.3	78	92	93	1159	10.3	47.2	64.6	-2.8
Стандартное отклонение	11.7	14	1.3	6.3	5.8	0.9	7	4	21	731	12.0	13.1	8.0	2.2
Остальные страны-кандидаты														
Кипр	0.8	80	2.2	2.8	3.8	-	-	-	-	-	14.4	24.7	49.0	-3.0
Мальта	0.4	55	2.8	-	7.4	-	-	-	-	-	10.2	62.2	41.3	-7.0
Турция	68.6	22	3.9	-	10.4	3.6	-	-	-	-	1.1	24.9	51.6	-29

Таблица 3
Индикаторы экономической ситуации в странах-кандидатах

1. Население в 2001 г. (млн.)
2. ВВП на жителя (валовой внутренний продукт; в паритете покупательной способности KKS) 2001 г.; ЕС =100
3. Рост ВВП 2002 г. (в %)
4. Инфляция в 2002 г. (в %)
5. Доля безработных (в % самодеятельного населения, стандарт МОТ), конец 2002 г.
6. Степень коррупции 2001 г. (1= полностью коррумпированная; 10= без коррупции; индекс восприятия коррупции, предложенный организацией *Transparency International*)

7. Степень реформирования экономики 2000 г. (100=максимум, индекс ЕБРР)
8. Степень развития политической свободы и гражданских прав в конце 2001 г. (индекс организации «Дом свободы»; 100= максимум)
9. Рост ВВП 1989 -2001 гг. (1989 г. = 100)
10. Прямые иностранные инвестиции (суммированные, в евро на душу населения) 2001 г. (Венгрия, 2000 г.)
11. Заявленные патенты (Европейское патентное ведомство) на миллион жителей в 2001 г.
12. Интеграция в рынок в 2001 г. (средние показатели импорта и экспорта, в % ВВП)
13. Интеграция в рынок ЕС в 2001 г. (экспорт в ЕС, в % всего экспорта)
14. Государственные расходы в 2001 г. (сальдо в % ВВП)

Источники: данные Комиссии ЕС, Eurostat, EBRD (*European Bank for Reconstruction and Development*), Freedom House, Transparency International.

Литература

- Applicant Countries Eurobarometer*, 2001 (2002), Commission of the European Communities, Brussels.
- Breuss, Fritz (2001), *Macroeconomic Effects of EU Enlargement for Old and New Members*, WIFO Working Papers, No 143.
- Candidate Countries Eurobarometer*, (2002 ff.), Commission of the European Communities, Brussels.
- Central and Eastern Eurobarometer*, No.1-8 (1991 ff.), Commission of the European Communities, Brussels.
- Commission of the European Communities*, (2000 ff.), *Enlargement Strategy Paper and Regular Reports on Progress towards Accession by each of the Candidate Countries*, Brussels.
- Commission of the European Communities*, (2001b), Directorate General for Economic and Financial Affairs, *The Economic Impact of Enlargement*, Brussels.
- Commission of the European Communities*, (2003c), *Impact of Enlargement on Industry*, Brussels.
- Havlik, Peter (2001), *EU Enlargement. Economic impacts on Austria, the Czech Republic, Hungary, Poland, Slovakia and Slovenia*. WIIW, Research Report No. 280, Vienna
- Hofbauer, Hannes (2003), *Osterweiterung - Vom Drang nach Osten zur peripheren EU-Integration*, Promedia Wien

- Juchler, Jakob (1994), *Umbruch in Osteuropa. Politische, wirtschaftliche und gesellschaftliche Entwicklungen 1989-1993 - Gesamtüberblick und Fallstudien*, Seismo, Zürich.
- Juchler, Jakob (2003), *Die EU-Osterweiterung - gesellschaftliche Akzeptanz und Enttäuschungspotentiale*, Zürich (Projektbericht SNF 1215-063972)
- Juchler, Jakob (2003b), *The Enlargement of the EU: Social Support and Expectations in Eastern and Western Europe and Their Consequences for the Unification of Europe // Dialogue and Universalism*, 93-115.
- Kok, Wim (2003), *Bericht an die Europäische Kommission - Die EU Osterweiterung*, Brüssel.
- Nekrasas, Evaldas (2003), *Lithuania's Identity and Place in Europe // Dialogue and Universalism*, no. 1-2, 13-21.
- OECD, *Economic Outlook* No. 74, 2003.
- OPTEM (S.A.R.L) (2001), *Perceptions of the European Union. A Qualitative Study of the Public's Attitudes to and Expectations of the European Union in the 15 Member States and the 9 Candidate Countries*, European Commission, Brussels
- Richter, Sandor (2003), *The Accession Treaty and Consequences for New EU Members*, WIIW, *Current Analyses and Country Profiles* No. 18, Vienna.
- Rose, Richard (2001), *A Bottom Up Evaluation of Enlargement Countries*. *New Europe Barometer 1*, *Studies in Public Policy* No. 364, Glasgow.
- Taggart, Paul, Szczerbiak, Aleks (2002), *The Party Politics of Euroscepticism*, SEI (Sussex European Institute), Working Paper No. 51.
- Tausch, Arno (2004), *EU-Erweiterung oder Rekolonisierung des europäischen Ostens // Weltgeschichte* (Publikation in Vorbereitung).
- TNS - OBOP (2000 ff.) *Opinie o integracji z Unią Europejską. Międzynarodowy projekt w 11 krajach kandydujących*, Warszawa.
- WEF (World Economic Forum) (2003), *Global Competitiveness Report*, Geneva.

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)